

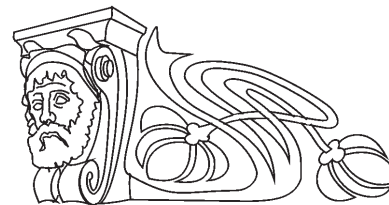

Научная статья

УДК 140.8:21

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>

Роль духовного просвещения в становлении русской религиозности: историко-философский анализ

М. О. Орлов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Аннотация. В исследовании с позиции русских религиозных философов рассматривается отношение общества и государства к церковной культуре. В России отношение к православию как основополагающей традиции положило начало восприятию византийского понимания государственной власти как покровителя и защитника церковности. Во второй половине XV столетия Московское государство стало единственным православным государством. Протоиерей Георгий Флоровский в своем духовном диагнозе русской культуры указал постепенно укреплявшееся представление о Церкви как объекте, приносящем пользу государству с последующим подчинением Церкви как инструмента для удовлетворения его нужд. Многовековое подавление иерархии и рядового клира со стороны государственного репрессивного механизма привело к тому, что власти вслед за получившими западное воспитание элитами перестали видеть в православном духовенстве носителей живого христианского опыта, обладавшего охранительной ценностью и конструктивным социализирующим потенциалом. В статье исследуется влияние духовного просвещения на процесс становления и развития русской религиозности с позиций историко-философского подхода и религиозноведческого анализа. Обосновывается сложный характер взаимоотношений между государственным механизмом, в особенности элитами, получившими западное образование и воспитание, и представителями православного церковного духовенства, являвшимися носителями живого христианского опыта с его выраженным конструктивным социализирующим потенциалом и охранительной ценностью.

Ключевые слова: духовность, религиозность, религиозная социализация, православие, святоотеческая традиция

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Религиозная социализация в постсекулярном мире: дискурсивные практики и социокультурные риски» № 20-311-70023).

Для цитирования: Орлов М. О. Роль духовного просвещения в становлении русской религиозности: историко-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 153–158. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>

The role of spiritual enlightenment in the formation of Russian religiosity: A historical and philosophical analysis

M. O. Orlov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Abstract. The study examines the attitude of society and the state to church culture from the position of Russian religious philosophers. In Russia, the attitude towards Orthodoxy as a fundamental tradition laid the foundation for the perception of the Byzantine understanding of state power as a patron and defender of churchliness. In the second half of the 15th century, Muscovy became the only Orthodox state. Archpriest Georges Florovsky, in his spiritual diagnosis of Russian culture, indicated a gradually growing concept of the Church as an object that benefits the state, with the subsequent subordination of the Church as an instrument to meet state needs. The centuries-old suppression of the hierarchy and ordinary clergy by the state repressive mechanism led to the fact that the authorities, following the elites who received Western education, ceased to see in the Orthodox clergy the bearers of a living Christian experience with a protective value and constructive socializing potential. The article examines the influence of spiritual enlightenment on the process of formation and development of Russian religiosity from the standpoint of a historical and philosophical approach and a religious analysis. The complex nature of the relationship between

the state mechanism, especially the elites who have received Western education and upbringing and representatives of the Orthodox church clergy, who are carriers of a living Christian experience, with its marked constructive socializing potential and protective value, is substantiated.

Keywords: spirituality, religiosity, religious socialization, Orthodoxy, patristic tradition

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "Religious socialization in the post-secular world: discursive practices and sociocultural risks" No. 20-311-70023).

For citation: Orlov M. O. The role of spiritual enlightenment in the formation of Russian religiosity: A historical and philosophical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 153–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Возникший интерес к святоотеческой традиции, философскому мировоззрению, культуре и историческому наследию византийской цивилизации оказал влияние на представителей русской религиозной философии. Протоиереем Г. Флоровским была поддержана идея Вл. Соловьева, который «с основанием говорил о Крещении Руси Владимиром как о национальном самоотречении, как о перерыве или разрыве национальной традиции» [1, с. 226]. Г. Флоровский утверждал, что языческое мировоззрение не исчезло и не было нивелировано: «Болезненность древнерусского развития можно усмотреть прежде всего в том, что "ночное" воображение слишком долго и слишком упорно укрывается и ускользает от "умного" испытания, проверки и очищения» [2, с. 3]. Значительной религиозно-мировоззренческой ценностью становится исполнение ритуальной обрядности без ее богословской и философской рефлексии.

Феномен обрядоверия как проявление церковного традиционализма рассматривал Х. Ян-нарас: «Способы участия в церковном общении отделяются и начинают существовать независимо от самого факта участия и его продолжения, перестают служить и выражать включенность в церковный способ существования. Они абсолютизируются в качестве самодостаточных ценностей, становятся идолами, независимой "священной" данностью, которую необходимо сохранять невредимой и неизменяемой на все времена» [3].

В России отношение к православию как к сберегаемой и защищаемой традиции положило начало восприятию византийского понимания государственной власти как покровителя и защитника традиционной церковности. Во второй половине XV столетия в силу известных исторических обстоятельств Московское государство стало единственным православным государством. С учетом того, что отношение к православной вере мыслилось как защита и сбережение православия, а не только поместной церкви, московский государь постепенно превращался не только в защитника веры в своей стране, но и покровителя православия в странах, нахо-

дящихся под гнетом Османской империи. В то же время недостаточный уровень просвещения не позволял Москве стать настоящим центром православного мира, как того требовал статус единственного православного государства. К XVII в. накопились как разночтения в литургических традициях России и православного Востока, а также западнорусских земель в Речи Посполитой, так и разногласия внутри самой русской литургической литературы, что ставило задачу, во-первых, унифицировать обрядовую жизнь и, во-вторых, выбрать образец в качестве унификации. Тесные связи с православным Востоком обусловили решение привести русскую литургическую традицию в соответствие с международной. Опять-таки в силу невежества на Московском поместном соборе 1656 г. придерживавшиеся старых обрядов были преданы анафеме как еретики, что означало анафематствование всей древнерусской обрядовой традиции, сбережение которой являлось целью православного русского царства. Государственное политическое мессианство вошло в противоречие с мессианством хранения неповрежденной веры. Тем самым конфликт между приверженцами старых и новых обрядов приобрел эсхатологическое (прекратилось то, ради чего был избран русский народ как новый Израиль, а Москва как Третий Рим) и политическое (православный самодержец навсегда потерял свою легитимность для большей части православного населения России) значение.

Если для инициаторов обрядовых реформ данные преобразования являлись инструментом повышения престижа Москвы и централизации церковной жизни государства, то для самой Русской Церкви события 1650-х гг. стали первым шагом, сделанным с ненужной поспешностью и избыточным максимализмом, для освобождения от унаследованного от Византии отношения к православию как к сотериологически необходимой традиции и горделивого мессианизма. Ценой недостаточного уровня просвещения стал уход из Церкви в раскол клириков и мирян с высоким уровнем религиозности, которые в иных обстоятельствах могли бы обогатить духовную жизнь Русской Церкви. Возможно, постепенное

смягчение политики в отношении старообрядцев привело бы к восстановлению церковного единства, обновленного пониманием второстепенного значения обрядовой традиции. Однако спустя несколько десятилетий Русская Церковь вошла в новый период тяжелых испытаний, не позволивших решить данную задачу.

Протоиерей Георгий Флоровский в своем духовном диагнозе русской культуры среди многих ее недостатков не указал одно из, пожалуй, наиболее негативных последствий влияния языческого мировоззрения на русское общество – это постепенно укреплявшееся представление о Церкви как объекте, приносящем если не прямую, то опосредованную пользу для государства, с последующим подчинением Церкви как инструмента для удовлетворения государственных нужд. С этой точки зрения превращение Русской Церкви в «ведомство православного исповедания» в качестве своих духовных предпосылок имело, возможно, не столько «цезаропапизм» и «немецкий канцеляризм», сколько сохранившееся прагматическое отношение к религиозной сфере, которая не является высшей формой человеческого бытия, а «должна» помогать человеку в его земных делах.

Превращение в XVIII в. Русской Церкви в инструмент государственной власти стало длительным рецидивом языческого представления о практической пользе религии, усиленного преклонением перед западным рационализмом. Для формируемого Петром Первым абсолютистского государства передача духовного опыта не представляла интереса. На Церковь были возложены полицейские функции надзора над населением и исполнения обязательных для всех православных граждан империи обрядов, при этом обеспечивать духовенство приходилось самим надзираемым – прихожанам. Результатом стало превращение священнослужителей из пастырей в требоисполнителей и нарастание той пропасти между духовенством и мирянами, о которой церковные и общественные деятели стали громко заявлять с XIX в. Практика постоянных перемещений епископов с кафедры на кафедру не позволяла им полноценно осуществлять архипастырские функции и превращала их в государственных чиновников, что приводило к снижению значения иерархов – преемников апостолов в обществе.

Униженное положение низшего духовенства обуславливало приток выходцев из духовного сословия в ряды оппозиционно настроенных разночинцев, переносивших свое негативное отношение на сложившуюся систему государственного управления на протяжении трех поко-

лений. Наконец, лишение Церкви права выбирать своего предстоятеля и государственный надзор в лице обер-прокурора привели Русскую Церковь к утрате самостоятельности в осуществлении своей деятельности и возможности исправления недостатков. Причины нежелания императоров возвращать Русской Церкви каноническое управление было четко сформулировано Феофаном Прокоповичем: «От соборного правления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие могут произойти, когда в челе духовного управления находится один человек: простой народ не знает, как различается власть духовная от самодержавной, и, удивленный славой и честью верховного пастыря Церкви, помышляет, что этот правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чин есть другое лучшее государство, и если случится между патриархом и царем какое-нибудь разногласие, то скорее пристанут к стороне первого, мечтая, что поборают по Самом Боге» [4, с. 419].

Стесненное положение «государственной Церкви» привело к тому, что передача живого христианского опыта сместилась на периферию церковной жизни. «Вдали от покровительственных взоров власти, не замечаемая интеллигенцией, даже церковной иерархией, духовная власть теплится и в монастырях, и в скитах, и в миру» [5, с. 254].

В конце XIX в. в Российской империи стали распространяться философские воззрения, утверждавшие необходимость изменения канонического положения и устройства русской церковности. В журнале И. С. Аксакова «Русь» в 1882 г. были опубликованы статьи прот. А. М. Иванцова-Платонова (изданы отдельной книгой в 1898 г.), в которых говорилось о необходимости применения выборного начала в Церкви, причем не только на приходском уровне, но и на епархиальном, и был описан проект порядка избрания епископов. «Вместе с восстановлением правильного избрания епархиальных пастырей сами собою должны прекратиться административные перемещения их из одних епархий в другие, сделавшиеся так обычными в последнее время» [6, с. 8]. Автор высказал мысль о создании внутри Русской Церкви семи архиепископских округов (наиболее важные из которых возглавлялись бы митрополитами). Также Иванцов-Платонов поднял тему желательности восстановления патриаршества.

Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев пришел к выводу о необходимости сохранения «первобытной чистоты» народа и сельского духовенства, которые должны

были противостоять образованной городской интеллигенции. Генерал А. А. Киреев, один из последних дореволюционных публицистов-славянофилов, в 1904 г. так описывал сложившуюся с кадровым обеспечением Церкви ситуацию: «Да из-за чего я пойду в священники? Или из-за выгоды, но выгоды ведь нет никакой, или по призванию, с целью проповедовать слово Божие, но для этого нужна свобода, а свободы-то и нет! Ну никто, кроме мужиков, и не идет в “попы”. Кто же в этом виноват?! Не связывай, не стесняй людей, будут и люди!» [Цит. по: 7, с. 30]. По сути Русская Церковь оказалась в замкнутом круге: отсутствие полноценной приходской жизни обуславливало материальную зависимость приходского духовенства от исполнения частных треб и оказывало негативное влияние на кадровый состав и уровень образования низшего духовенства; с другой стороны, недостаточный уровень пастырской деятельности, к тому же ограниченный государственным надзором, не позволял сформировать крепкие церковные общины, которые могли бы решить проблему содержания приходского клира.

Одним из важнейших результатов и поистине поучительных уроков синодального периода Русской Церкви стало то, что подчиненное положение «ведомства православного исповедания» привело к потере уважения к Церкви (и, соответственно, передаваемому ею Священному Преданию) не только со стороны общества, но и со стороны самодержавной власти, подчинившей себе управление Церковью. Понимание необходимости восстановления канонического устройства Русской Церкви и предоставления ей большей самостоятельности, а также широкая общественная дискуссия в условиях русской революции обусловили принятие Святейшим Синодом (с согласия императора) решения о созыве Предсоборных совещаний в 1906 г., а также в 1912 г. (последнее Предсоборное совещание проводило свои заседания вплоть до конца 1916 г.), однако решение о созыве Поместного собора так и не было подписано Николаем II, в том числе в связи с боязнью «получить смуту». Иллюстрацией возможности такой «смуты» послужил пример священника Георгия Гапона.

Исторический парадокс заключался в том, что Поместный собор, призванный решить глубоко укоренившиеся проблемы Церкви, не был собран из-за этих же проблем: нефункционирующая система приходов не смогла бы выдвинуть, по мнению властей, конструктивно настроенных соборян. Эта точка зрения проникла и в ряды духовенства, но уже с учетом баланса представительства черного и белого духовенства.

Об отношении власти к «духовной основе Империи» можно судить по одному интересному случаю. В 1905 г. на квартире протоиерея Философа Орнатского (будущего священномученика) планировалось провести философский диспут на тему, посвященную созданию союза священнослужителей, которому надлежало стать деятельностной духовной силой всероссийского Союза союзов. Таким образом, то «омертвление», в котором обвиняли Церковь, было прежде всего результатом государственного подавления любой инициативы «снизу», воспринимавшейся как самоуправство и подрыв государственных устоев.

Протоколы судебных заседаний процесса против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. рисуют нам картину сельского прихода Саратовской губернии начала XX в. Во взаимоотношениях крестьян и господствующего сословия священник однозначно принимает сторону крестьян – помогает подготовить прошения об освобождении задержанных в ходе революции 1905 г., получении дополнительных земельных участков у дворян-крупных землевладельцев; сдает свою землю в аренду крестьянам по сниженной цене, а если случится неурожай, то и вовсе не берет денег; активно занимается благотворительностью, к местным дворянам не вхож и вызывает недоверие со стороны властей [8, с. 375–412].

Другим выражением недоверия к Русской Церкви стало постепенное превращение старообрядчества в самостоятельное и законное исповедание в рамках Российской империи. Следует отметить, что необходимость мирного преодоления раскола осознавалась российским обществом с середины XVIII столетия, когда епископ Астраханский Иларион (1731–1755) ввиду большого количества старообрядцев позволил священнослужителям совершать богослужения по дореформенным книгам. В 1800 г. император Павел утвердил «пункты о единоверии» митрополита Платона (Левшина), регламентирующие единоверие как форму воссоединения старообрядцев с Русской Церковью.

Развитие капиталистических отношений в России стало благоприятным временем развития старообрядческих общин, чьи традиции общинной собственности помогли сконцентрировать огромные капиталы. Старообрядческие предприятия, основанные на принципах общинного управления и справедливого вознаграждения, по сути стали прообразом будущих рабочих советов и «коллективного управления». Создание Белокриницкой иерархии потенциально снижало зависимость старообрядцев от единоверов и беглопоповцев от Русской Церкви и делало реальной угрозой формирования па-

раллельной всероссийской церкви, особенно с учетом подчиненного положения Русской Православной церкви.

Правительством Николая I были приняты жесткие меры в отношении наиболее крупных и богатых общин (в частности, требование закрепления общинного имущества в качестве частной собственности одного лица и передача его по наследству), а также репрессивные меры в отношении духовенства Белокриницкой иерархии. Однако нарастание революционного движения привело к тому, что, начиная с Александра III, старообрядцы стали восприниматься, с учетом их консервативности, в качестве дополнительной опоры самодержавной власти, а также как дополнительный финансовый ресурс в рамках начавшейся индустриализации России. В связи с этим были значительно расширены экономические возможности старообрядцев, а также возможности совершения богослужений. В 1904 г. Николай II впервые высказывает мысль о созыве Всероссийского церковного собора именно в контексте преодоления раскола. 17 апреля 1905 г. вышел указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», официально положивший конец преследованию «за отпадение от Православия», а также предоставивший старообрядцам (которые перестали называться «раскольниками») права свободного совершения своих богослужений (за исключением возможности использовать православные иерархические именованья). 19 апреля 1905 г. Николай II христосовался со старообрядцами [9, с. 258]. В 1906 г. начались активные дискуссии о воссоединении старообрядцев и Русской Церкви. Однако эти дискуссии вошли в тупик, так как старообрядцы указывали на неканоническое устройство Русской Церкви. Так, в связи с нерешенностью вопроса о неканоническом положении Церкви и необходимости изменения высшего церковного управления, т. е. восстановления патриаршества, воссоединения старообрядцев с Русской Церковью так и не последовало, а снятие «клятв» на старые обряды Московского собора 1667 г. стало решением Поместного собора 1971 г.

На рубеже XIX–XX вв. в России официально появилась еще одна православная церковь, отличавшаяся от государственной Церкви как отсутствием права публичной пропаганды и миссионерской работы, так и отсутствием государственного вмешательства во внутренние дела церковной общины. Изначальная официальная цель легализации старообрядцев – воссоединение с Русской Церковью – так и не была достигнута, но был формально закреплен многовековой раскол русского православного народа, а Русская

Православная Церковь в своих правах и возможностях стала значительно уступать другим конфессиям. Принятый закон вызвал негативную реакцию среди православных публицистов консервативного толка.

В завершение необходимо сделать вывод о том, что многовековое подавление иерархии и рядового клира со стороны государственного репрессивного механизма привело к тому, что власти вслед за получившими западное воспитание элитами перестали видеть в православном духовенстве носителей живого христианского опыта, обладающего охранительной ценностью и конструктивным социализирующим потенциалом. В эпоху последнего царствования, совпавшего с религиозным подъемом среди философской интеллигенции, это привело к росту популярности всевозможных юродивых, странников и кликуш, вплоть до «крестьянина» Г. Е. Распутина, в котором царственная чета видела носителя исконной духовной традиции и церковности простого народа, знающего о духовном мире больше, чем допущенные до двора иерархии. Увлеченность маргинальными духовными практиками, а также вмешательство Распутина в дела сначала Русской Церкви, а затем и кабинета министров обусловили катастрофическую дискредитацию самодержавия со стороны православного населения империи в последние годы монархии. Таким образом, утрата авторитета духовного образования, отсутствие синтеза русской религиозной философии с патристическим церковным наследием способствовали социальному кризису всех слоев населения России накануне переворота 1917 г.

Список литературы

1. Соловьёв В. С. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика // Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. 736 с.
2. Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Киев : Христианская благотворительная просветительская ассоциация «Путь к истине», 1991. 599 с.
3. Яннарас Х. Подлинность православного традиционализма. URL: http://krotov.info/libr_min/28_ya/an/agas_07.htm (дата обращения: 25.01.2021).
4. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. Кн. 8. 1703 – начало 20-х годов XVIII века. М. : Соцэкгиз, 1997. 674 с.
5. Федотов Г. П. Русская религиозность : в 2 ч. Ч. I : Христианство Киевской Руси X–XIII века // Федотов Г. П. Собр. соч. : в 12 т. М. : Мартис, 2001. Т. 10. 396 с.
6. Иванцов-Платонов А. М., прот. О русском церковном управлении. СПб. : Типография А. А. Пороховщикова, 1898. 87 с.

7. Фирсов С. Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014. 474 с.
 8. Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. Документальная публикация А. И. Мраморнова. М.: Изд-во Новоспасского монастыря; Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2013. 880 с.
 9. Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло; сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова, Т. Ф. Павлова, З. И. Перегудова. М.: Орбита, 1991. 755 с.
- References**
1. Solovev V. S. Readings on God-manhood. Philosophical Journalism. Solovev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1989. Vol. 2. 736 p. (in Russian).
 2. Florovskiy G. V., archiprb. *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Kiev, Charity Christian education association for «The Path to the truth» Publ., 1991. 599 p. (in Russian).
 3. Yannaras Chr. *Podlinnost pravoslavnogo traditsionalizma* (The Authenticity of Orthodox Traditionalism). Available at: http://krotov.info/libr_min/28_ya/anas_07.htm (accessed 25 January 2021) (in Russian).
 4. Solovev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn. Kn. 8. 1703 – nachalo 20-kh godov XVIII veka* [The History of Russia Since Ancient Times: in 15 books. Book 8. 1703-the Beginning of the 20s of the XVIII Century]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1997. 674 p. (in Russian).
 5. Fedotov G. P. Russian Religiosity. Part I: Christianity of Kievan Rus X–XIII Centuries. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow, Martis Publ., 2001. Vol. 10. 396 p. (in Russian).
 6. Ivantsov-Platonov A. M., archiprb. *O russkom tserkovnom upravlenii* [About the Russian Church Administration]. St. Petersburg, Printing house of A. A. Porokhovshchikov, 1898. 87 p. (in Russian).
 7. Firsov S. L. «Vlast i ogon»: *Tserkov i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nachalo 1940-kh gg.: ocherki istorii* [“Power and Fire”: The Church and the Soviet State: 1918 – The Beginning of the 1940s: Essays in the History]. Moscow, Izdatel'stvo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2014. 474 p. (in Russian).
 8. *Sudebnyy protsess protiv saratovskogo dukhovenstva v 1918–1919 gg. Dokumentalnaya publikatsiya A. I. Mramornova* [The Trial Against the Saratov Clergy in 1918–1919. Documentary Publication of A. I. Mramornov]. Moscow, Izdatel'stvo Novospasskogo monostyrya; Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoy mitropolii, 2013. 880 p. (in Russian).
 9. *Dnevniky imperatora Nikolaya II* [Diaries of Emperor Nicholas II. Total ed. and preface K. F. Shatsillo; originator, comment, note, listing names, list of abbreviations V. P. Kozlova, T. F. Pavlova, Z. I. Peregudova]. Moscow, Orbita Publ., 1991. 755 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.02.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 15.03.2021
Received 15.02.2021, revised 20.02.2021, accepted 15.03.2021